

Глава 11. Связь

— Года двадцать восемь назад то было, — негромко заговорил Чжао Лои. — «Башня Десяти Направлений» тогда еще не звалась так напыщенно, обычная извозчичья контора без звучного имени. Владелец её, Вэнь Сюй, как-то поздним вечером управился на конюшне, пошел за стойла да и наткнулся там на бабу. Беременную и всю в крови.

В комнате стоял крошечный мрак. Лишенный возможности видеть лицо Чжао Лои, Ли Мэн ощутил, что тот словно утратил привычную ледяную суровость. Шмыгнув забитым носом, юноша осторожно придвинулся ближе, прижавшись плечом к его груди. Мужчина не отстранился, и Ли Мэн облегченно затих.

— А кони? — шепотом спросил Ли Мэн. — Разве они не испугались запаха крови?

— Чего им пугаться слабой бабы? — донеслось из темноты ворчливое. — Тоже мне, сравнил скакунов нашей Башни с собой. Такой же пугливый.

Ли Мэн обиженно притих.

Голос Чжао Лои смягчился. Он задумчиво опустил руку на плечо юноши, уходя мыслями в дела давно минувших дней.

В ту ночь Вэнь Сюй только-только вернулся в Жуйчжоу из дальних краев. Поездка выдалась тяжелой — сопровождали ценный груз, натерпелись всякого. Он уже лег спать, как вдруг вспомнил, что забыл задать коням овса.

Накинув халат, он зажег фонарь и сонный поплелся к стойлам. На полпути он обо что-то споткнулся. Вэнь Сюй больше десяти лет топтал дороги Поднебесной, так что едва уловил резкий, приторный запах крови, как сонливость из головы мигом выветрилась.

Он поднес фонарь ближе к конюшне. В самом углу темнел грязный, бесформенный ком. Приглядевшись, Вэнь Сюй обомлел: перед ним лежала женщина на сносях.

Будучи человеком прямодушным и отзывчивым, он тут же поднял на ноги всю контору: растолкал счетовода, разбудил старшего охранника. Сунул одному из подручных целых десять лянов серебра и велел во всю прыть лететь за лекарем.

Вэнь Сюй сам омыл испачканное грязью лицо несчастной. Из-под налипшей земли проступили черты молодой женщины. Даже находясь в беспомощности, она судорожно прижимала ладонь к огромному животу, силясь защитить дитя.

Вэнь Сюй достал драгоценный столетний женьшень, припасенный на случай смертного часа, сам нарезал его ломтиками и развел под котлом огонь. Сварив целебный отвар, он бережно

приподнял незнакомку, устроил её у себя на груди и больше часа терпеливо, ложка за ложкой, вливал горькое снадобье в приоткрытые губы.

Умаявшись до седьмого пота, он отправил остальных спать, а сам остался сидеть у тлеющего очага. К тому времени на улице уже забрезжил рассвет.

Вэнь Сюй сидел напротив ложа, задумчиво разглядывая гостью и мерно постукивая пальцами по столу.

Он был купцом, человеком дела, и прекрасно понимал риски. Раны женщины говорили сами за себя: рубцы от мечей, глубокие порезы, посиневшие губы — явный признак тяжелого отравления. На её теле не осталось живого места. Такая гостья наверняка спасалась от могущественных врагов. Здравый смысл подсказывал, что от подобных неприятностей надо держаться как можно дальше. Даже если беда сама пришла к твоему порогу, разумнее было выставить её вон.

Но то ли ему стало по-человечески жаль бедняжку, то ли бес попутал...

— Здешние костоправы только руками разводили — не знали, как подступиться к такому яду, — продолжил Чжао Лои. — Тогда Вэнь Сюй раскошелился и призвал прославленного в Поднебесной Призрачного лекаря. Нрав у того был прескверный и причудливый, однако, как выяснилось, незнакомку он знал. За полгода женщина окрепла, а когда поспели гранаты, разродилась крепким младенцем.

Рассказчик умолк и коснулся ладонью лба Ли Мэна.

— Жар спал, — прошептал Ли Мэн.

Убедившись, что юноша не спит, Чжао Лои глухо угукнул и повел нить рассказа дальше:

— За те полгода, что они провели под одной крышей, Вэнь Сюй не отходил от неё ни на шаг. Будь она хоть трижды каменной, её сердце не могло не оттаять. Однако стоило ему заикнуться о женитьбе, как женщина наотрез отказалась и засобиравлась в путь.

— В мире бушует смута, — растерялся тогда Вэнь Сюй, едва скрывая горечь. — Куда ты пойдешь одна, да еще и с грудным младенцем на руках? Если я чем-то обидел тебя, умоляю, прости. Зачем обрекать дитя на лишения?

Настоящего имени беглянка так и не назвала. Собой она была недурна, статна, носила исключительно черное, отчего за глаза конторские прозвали её Чёрным Пионом.

Посмотрела Чёрный Пион на сына — тот еще и ходить-то не научился — и поняла, что уходить сейчас и впрямь безумие. Смирив гордость, она осталась еще на полгода ради младенца.

Получив отворот-поворот, Вэнь Сюй не переменялся в лице. Он по-прежнему пылинки сдувал с матери и ребенка: кормил досыта, поил лучшим чаем, оберегал от тяжелой работы. Разве что приставил её помогать местному счетоводу да нанял расторопную девчонку-служанку, чтобы та во всем ей пособляла.

Но едва минуло еще полгода, Чёрный Пион исчезла, оставив лишь короткое письмо.

В нем она умоляла позаботиться о мальчике. Вэнь Сюй, сохранивший к ней нежные чувства, принял сироту как родного плоть от плоти сына. Так пролетело еще пять лет.

— Оставила кроху, едва от груди отняв... Неужто материнское сердце совсем не болело? — тихо спросил Ли Мэн.

Сам он рос сиротой, его матушка умерла слишком рано. В детстве он не раз засыпал с мыслями о том, как ласково она зашивала бы ему порванную одежду или с напускной строгостью журила за шалости.

— О том у неё надобно спросить, — хмыкнул Чжао Лои.

В этот миг он поймал себя на мысли, что этот мальчишка Ли Мэн, хоть и горазд на мелкие хитрости, в душе остается сущим ребенком.

— А потом? Возвращалась ли она проведать сына? — Ли Мэн спросил это не сразу. Он хорошо знал суровый нрав своего названного наставника: тот вполне мог оборвать сказку на полуслове сухим «она умерла». Чжао Лои любил так делать.

— Возвращалась, — коротко отозвался тот.

В голосе Чжао Лои проскользнула странная нотка. Ли Мэн, повинувшись какому-то неясному порыву, запустил ладонь под его исподнее и легонько коснулся крепкой груди.

— Это еще что за вольности? — мужчина мгновенно напрягся, как струна. Он нахмурился и зорко глянул вниз.

Ли Мэн и сам не понимал, что творит — сказывался недолеченный жар. Ощувив рядом спасительное тепло, он просто потянулся к нему всем телом. Строгий окрик наставника заставил его испуганно вздрогнуть.

Чжао Лои недовольно цыкнул, но не позволил юноше убрать руку. Он перехватил его запястье и сам прижал к себе, заставляя обнять.

— Чего затрясся? Я тебе не призрак из склепа малюю. Холодно — так прижмись и лежи

смирно. Не хватало только, чтобы ты завтра слег и мы никуда не вышли.

Казалось, Чжао Лои пекся о завтрашней примерке обновки куда больше самого Ли Мэна. Роль наставника была для него в диковинку, и в глубине души он решил: раз уж назвался учителем, то надобно проявить толику заботы. Если в конце концов этот паршивец пойдет против него на поводу у чужаков и посягнет на «Свиток Сотни Оружий», Чжао Лои убьет его без тени жалости. А пока... пусть это побудет искуплением за будущую неизбежную расправу и данью их короткому союзу.

— Спи давай, на сегодня историй хватит, — неожиданно оборвал он себя.

— Я больше не буду шевелиться, честное слово! Расскажите дальше.

— Не в том дело, — Чжао Лои вовремя спохватился. Осознав, что ведет себя неподобающе мягко для строгого наставника, он напустил на себя суровости: — Кому сказано — спать.

Не дождавшись ответа, он добавил уже тише:

— В другой раз дослушаешь. История долгая, до утра просидим.

Время и впрямь близилось к полночи. Ли Мэн хоть и расстроился, но пререкаться не смел — если Чжао Лои что-то вбил себе в голову, спорить бесполезно. Уткнувшись носом в чужое плечо, юноша лежал, а мысли его путались.

«Уйдет ли он к себе в комнату? Когда? Хоть бы подождал, пока я усну...»

Колючий, давно не бритый подбородок мужчины упирался ему в макушку. Широкая грудь Чжао Лои мерно вздымалась. Ли Мэн всем телом ощущал разницу между собой и этим зрелым воином: под горячей кожей перекачивались жесткие узлы мышц, дышащие сокрушительной мощью мастера боевых искусств. Юноша так давно не чувствовал простого человеческого тепла, что ему до слез не хотелось отпускать наставника. В полузабытьи ему вдруг почудилось, будто он обнимает старшего брата. В детстве, стоило ночным теням напугать его, маленький Ли Мэн сразу бежал в комнату Ли Лина. Служанки помалкивали, зная, что если проведает суровый отец, то по головке не погладит. Но самому мальчику до этого не было дела. Брат всегда жалел его, младшего и лишенного материнской ласки, и неизменно прощал любые капризы.

Минул час. Дыхание обоих выровнялось, сливаясь в единый сонный ритм.

— Брат... — едва слышно прошептал сквозь сон юноша.

Услышав этот шепот, Чжао Лои мгновенно распахнул глаза.

Ли Мэн лишь причмокнул губами и теснее прижался щекой к его груди, даже не думая просыпаться.

Чжао Лои долго всматривался в темноту, разглядывая спящего. Наконец он бережно потянул сползшее одеяло, укрыл его плечи и вновь закрыл глаза.

Наутро от вчерашней хвори не осталось и следа. На всякий случай Чжао Лои заставил ученика осушить еще одну пиалу горького варева, и после сытного завтрака они отправились в город.

До кануна Нового года оставался всего день. Торговцы спешили распродать праздничный товар: лотки ломились от пестрых сластей, деревянных игрушек, сушеных фруктов и жареных орехов. Повсюду пестрели алые свитки с иероглифами «счастье». Уличные писцы, разложив прямо на мостовой листы красной бумаги, за пару медных монет выводили каллиграфические парные надписи для украшения дверей.

В лавке готового платья яблоку негде было упасть. Визжали и бегали дети. Ли Мэн, зажатый в толпе крикливой детворы, чувствовал себя крайне неловко от того, что грозный мастер Башни лично привел его мерять обновки.

Чжао Лои придирчиво рассматривал ткани. Сначала его взгляд упал на лазоревый шелк в мелкую крапинку, затем он прикинул, что юноше подошел бы строгий черный атлас с вышитыми темной нитью стеблями бамбука. Но праздник ведь на носу! Пальцы мужчины невольно скользнули по отрезу праздничной, ярко-алой парчи.

Он оглянулся на своего подопечного. Ли Мэн, со своей чистой кожей и тонкими чертами, застыл на стыке юности и зрелости. Представить его в кричаще-красном наряде было сложно.

Ли Мэн заметил, как бесстрастное лицо Чжао Лои порозовело в отсветах алого шелка. Ему показалось, будто наставник ушел в какие-то свои мысли и смутился. Найдя это забавным, он придвинулся ближе:

— Учитель, может, и вам обновим гардероб?

— М-м, — рассеянно отозвался тот, продолжая перебирать пальцами край ткани.

— Сшили бы себе нарядный красный халат. А то вечно в черном, точно ворон. Пора бы и честь знать, сменить обличье к празднику, — Ли Мэн улыбнулся. После пережитого ночью Чжао Лои перестал казаться ему чудовищем во плоти.

Чжао Лои едва заметно кивнул и подозвал зазывалу.

Пока Ли Мэн вертел головой, его взгляд привлек плотный сапфировый шелк с узором из буддийских свастика. Он уже открыл было рот, чтобы показать находку наставнику, но тот опередил его. Указав пальцем на юношу, Чжао Лои распорядился:

— Сними с него мерку. Сшей три халата: из этого алого, вон того черного и того синего шелка сверху. Крой пускай выберет сам.

Ли Мэн и пикнуть не успел, как расторопный подмастерье подхватил его под локоть и увлек за ширму.

Когда все замеры были сделаны, а фасоны утверждены, Ли Мэн вышел в залу и обнаружил, что лавку заполонила толпа дородных матрон. Юноша растерялся в этом цветнике, почувствовал себя лишним и предпочел ретироваться на улицу, решив подождать наставника у порога.

Ждать пришлось недолго. Чжао Лои вышел из лавки, неся в руках нарядную коробочку, в которой, как догадался Ли Мэн, лежали сладости.

Ни слова не говоря, мужчина протянул ему ножны короткого меча. Ли Мэн послушно ухватился за них, и они, точно старые приятели, побрели дальше по праздничным улочкам. До самого заката они слонялись среди праздной толпы, а в казенную усадьбу вернулись лишь к ужину, сытые и довольные, наевшись на ярмарке горячего супа с потрохами и сладких рисовых шариков с арахисовой начинкой в сиропе.

Но стоило им переступить порог уединенного дворика, как навстречу вышел хмурый Хо Ляньюнь. Его тяжелый взгляд скользнул по Ли Мэну.

— Отнеси всё в комнату, — Чжао Лои перегрузил ворох свертков и коробок в руки ученика. Набрав целую гору покупок, Ли Мэн зашатался под их тяжестью и побрел к жилым покоям.

Проводив взглядом покачивающуюся фигуру за угол галереи, Чжао Лои повернулся ко второму брату:

— Говори. Что стряслось?

Хо Ляньюнь извлек из рукава бамбуковый футляр для писем:

— Днем пришла весть из Линьчжоу. Седьмой провалил дело. Его тело выловили из реки неподалеку от городских стен. Сейчас покойника переправили в Башню Десяти Направлений в Линьчжоу.

— Чьих рук дело? — сухо осведомился Чжао Лои.

— Пока неясно, — покачал головой Хо Ляньюнь. — Но я уже навел справки через Жуйчжоу. Заказчик тот же, кто нанял нас прикончить Хэ Жуйтина. Имена в бумагах стоят разные, но Соболев из Башни проверил описание — почерк и лицо сходятся один в один.

— Что за поручение было у Седьмого?

Хо Ляньюнь замялся. По суровым законам «Башни Десяти Направлений» выведывать чужие заказы строжайше запрещалось. Спустя мгновение он неохотно признался:

— Не знаю.

Чжао Лои долго буравил его взглядом, после чего холодно отчеканил:

— Как только заберем ценность, сразу возвращаемся в Линьчжоу. Из Жуйчжоу от Главы Башни вестей не было?

— Этим делом занялся Старший брат.

— Значит, соваться туда нам не след, — подытожил Чжао Лои.

— И ты вот так всё оставишь? — вскинулся Хо Ляньюнь.

Чжао Лои промолчал. Шагнув за колонну у поворота галереи, он без лишних слов ухватил прятавшегося там Ли Мэна за шиворот и бесцеремонно выставил наружу.

Юноша кубарем отлетел на несколько шагов и устоял на ногах лишь благодаря деревянной подставке для цветов. Глиняный горшок опасно покачнулся, но Ли Мэн ловким движением успел поймать его у самой земли.

Чжао Лои молча скрылся в своих покоях. Хо Ляньюнь, до боли сжав кулаки, постоял немного, а затем, даже не взглянув на проказника, зашагал прочь, к передним дворам усадьбы.

Тем вечером наставник ушел к себе непривычно рано, даже не притронувшись к еде. Второй шишу Хо так и не вернулся. Ли Мэн не смел покидать пределы уединенного дворика. В голове навязчиво крутились обрывки подслушанного разговора. Он знать не знал никакого Седьмого, но смутное предчувствие подсказывало: раз таинственный заказчик нанимает убийц под вымышленными именами, а исполнители гибнут один за другим, над Чжао Лои и его людьми сгущаются тучи.

Впрочем, после стольких дней непрерывного бегства и бесконечных стычек его чувства притупились, а нервы словно окаменели. Страх больше не было — осталась лишь глухая тревога.

Ли Мэн устроился на краю веранды, свесив одну ногу. Холодный лунный свет очертил его профиль. Он задумчиво вертел в руках палец — тот самый, укушенный ядовитой тварью Сяо Чанчу. Крохотная ранка давно затянулась, не оставив и следа.

«Мерзкая букашка затаилась где-то внутри, никак себя не выдавая. Неужели этот яд и впрямь убьет меня?»

Внезапно привычный ночной гомон птиц прорезали резкие, короткие трели бамбукового свистка, донесшиеся из-за высокой стены.

Юноша мгновенно побелел и едва не свалился со своего насеста.

То ли от неожиданности, то ли из-за того, что гу внутри почуяли призыв, левый бок пронзила невыносимая, острая боль. Она скрутила его так внезапно, что перехватило дыхание.

Свист за стеной становился все настойчивее, и спазмы в животе вспыхивали с новой силой. Ли Мэн беззвучно хватал ртом воздух, не в силах издать ни звука от терзающей его муки.

Луна вычертила на серых плитах двора длинную, зловещую тень. Она тянулась от самого забора к ногам юноши. Проследив за ней взглядом, Ли Мэн уставился на верхушку стены.

На ограде темнел силуэт. Заметив, что его обнаружили, незнакомец мгновенно соскользнул вниз, растворившись в ночной темноте.

Свист резко оборвался.

Боль в боку тут же отступила, однако холодный пот, заструившийся по вискам, не давал усомниться в реальности происходящего. Колени предательски подгибались. Цепляясь за опорные столбы галереи, Ли Мэн кое-как дополз до стены. Оглядевшись, он приметил на восточной стороне неприметную калитку и, шатаясь, двинулся к ней.

За воротами царил крошечный мрак. Пахло сыростью и тяжелым, жирным пережаренным маслом.

Где-то поблизости, судя по всему, располагалась казенная маслобойня. Ни души кругом. Ли Мэн пробирался вдоль забора, жадно вглядываясь в темноту. Здесь, в заброшенном крыле усадьбы, фонарей никто не зажигал. Огромный пустырь зарос сорной травой в рост человека, и сухие стебли колыхались на ветру, рождая причудливые, пугающие тени.

Вновь раздалась пара тихих, призывных трелей.

Сжав кулак, Ли Мэн изо всех сил вдавил его в левый бок, стараясь унять подступающую резь, и

двинулся на звук. Сам того не замечая, он уходил все дальше от казенных палат. Таинственный зов увлек его за ограду усадьбы. Миновав наглухо закрытые задние ворота, юноша углубился в лабиринт темных переулков, следующих один за другим.

Стоило боли скрутить его с новой силой, как невидимый проводник умолкал, давая беглецу перевести дух, а затем свистел вновь, увлекая его дальше, заставляя перемахивать через заборы.

Примерно через полчаса изнурительной гонки Ли Мэн очутился перед парадными воротами богатого особняка, над которыми сиротливо покачивался белый траурный фонарь. Свист утих.

В глухом тупике этот дом стоял особняком. Ли Мэн нахмурился, помедлил мгновение и решительно шагнул к крыльцу. Но не успели его пальцы коснуться тяжелой деревянной створки, как дверь бесшумно распахнулась сама.

<http://bllate.org/book/18266/1759083>